

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125, 134, 137, 140, 145, 148, 151, 154, 157, 160, 164, 166 (2010 г.), 7, 10, 13, 16, 19, 21, 24, 27, 30... 77, 80, 83, 87, 90, 93, 96

Киммерия всех времен

Никакого повода в отрывке, касающемся Волошина, не было для того, чтобы Ткаченко осклабился о нем обычным суждением: «...сочиняет никому не нужные слухи о древней Киммерии, не видя, какие грандиозные преобразования происходят в стране». А писал Волошин в основном о Киммерии в первые десятилетия XX века. И не столько о Киммерии древней: о Киммерии всех времен, с особым упором на греков, на Киммерию собственной жизни и тех, кого любил, привечал в Коктебеле. А тогда он писал о революции и войне, о технической цивилизации, о России, русских подвижниках (протопоп Аввакум) и судьбах интеллигенции... О чем бы он ни писал, он был нужен и часто приходил к своим читателям позже... Нужен был из-за многомерности своего видения.

Склонность к трагизму не лишала его патетики, но не той, односторонней, которой порочит его Ткаченко («не видя, какие грандиозные преобразования происходят в стране»), а той, которую, грандиозную, он не освобождал от голода, нищеты, падения нравственности, классового мщения, которое «валит врагов в одну кучу». И то, что он написал в «Доблести поэта» (1925 г.), отвечало его священной правде: «В смуту усобиц и войн постигать целикудность. Не частью, а всем: не с одной стороны, а с обеих. Зритель захвачен игрой. Ты не актер и не зритель, ты – соучастник судьбы, раскрывающей замысел драмы». И раньше, в «Гражданской войне», 1919 г.:

*«А я стою меж них
В ревушем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других».*

«Странная такая вот глава, пританута, как говорится, ни к селу, ни к городу. И если все-таки соотносится с общим текстом, то лишь в том, вышеозначенном смысле: водятся, водятся у нас разные отщепенцы... За что невзлюбил Леонов (написав литературный донос) на тогда уже одинокого, тяжело больного Волошина, во всю свою жизнь не сумевшего кого либо обидеть? Всего-то раз тот поступил круто – вызвал на дуэль поэта Гумилева, нехорошо отозвавшегося о молодой поэтессе Черубине де Габриак (Дмитриевой), да и то их примирили».

Ядовитый пассаж

Ничего странного в отрывке нет, и не пританут он: в нем наличествует старик Аркадий Гермогенович Похвистнев, с полным доверием введенный Волошиным в Дом поэта («верь в человека» – его принцип), но не сумевший справедливо его оценить; такие люди и раньше подолгу – месяцами, годами – пользовались безгранично благородным гостеприимством Волошина. «И что же? Все это не мешало созданию легенд о Волошине – «всеобщем баловне и кумире» для истерических женщин

с неустроенной любовной жизнью; о «мнимом мудреце», прожившем жизнь на модном курорте».

Этот ядовитый пассаж принадлежит М. Я. Мандельштам (Хазиной), но их повторяли А. А. Ахматова и не один десяток людей из окололитературных кругов. В письме от 15 января 1929 года художница Остроумова-Лебедева назвала это дружеской изменой, моральным предательством. Леонид Леонов знал об этом и от себя, и через Похвистневу выразил свою кощунственную неблагодарность в осуждении Волошиным клеветникам: «Отличный мастер приподнятого поэтического слова, он угасал здесь без славы и литературного потомства» (необходимый повтор. – Н. В.). Время было такое, когда пророки нарождаются в народе, – поэт мнил себя одним из них. Но и отлично сложенные пророчества его не сбывались. Порою гости бывали единственными потребителями его творений, равноличественных, неискренних и умных (для Аркадия Гермогеновича, кому римлянин Овидий представлялся недосягаемым поэтом и провидцем и кто сам сочинял на латыни, Максимилиан Волошин, современник, мог быть только мнимым пророком, отсюда, якобы, и неискренность).

Принимать в Дом чужого человека, да еще и заикленного на себе и на любимую Танечку Бланкенгатель, – искренно, а творить – неискренно. – Н. В.). «То были художники и профессора средней руки, состарившиеся поклонники и просто милые и болезненные люди, которым врачи предписывали умирать на южном побережье. За комнату и близость к музам они платили беззаветным восхищением перед меркнувшей звездой поэта. Со скуки здесь любили чудаков. Хозяин представил Аркадия Гермогеновича гостям как друга Бакунина и автора многих неопубликованных латинских стихов... Гостеприимство поэта не соответствовало количеству комнат в Доме: на ночь Аркадия Гермогеновича поселили в библиотеке, в блаженной тени рыжих и пыльных фолиантов. Утром хозяин повел гостя смотреть Карадагское ущелье, а вечером – Киммерийское плоскогорье: польнь хороша на закате. Он знал здесь каждый уголок и самое море считал своим произведением. Так Аркадий Гермогенович и прижился».

Одичавший от клеветы

Хозяин дома умел ценить друзей, которые делили с ним черствый хлеб и скорбное овидиево уединение. Ну где тут «литературный донос»? есть двуединое восприятие Волошина автором и героем, не во всем достоверное, но почтенное и, естественно, не имеющее основательного значения о том, что из написанного у поэта хранилось в столе до иных времен, а хранилось там не меньше, чем было опубликовано раньше. Ткаченко в попытке осквернить великого Леонида Леонова «литературным доносом» путается, и опять – преднамеренно: «Роман «Дорога на Океан» вышел в конце 30-х, когда даже близкие друзья все реже навещали Волошина, опасаясь быть «замеченными» в «связях с чуждым элементом».

Роман «Дорога на Океан» вышел в 1935 году. Близким друзьям нечего

Максимилиан Волошин – замечательный русский поэт. Его знаменитый дом в Коктебеле всегда был полон гостей

было опасаться, и доноса не могло быть: Максимилиан Волошин умер 11 августа 1932 года.

«Отшельничеством» Волошина одичавший от клеветы на его жизнь и на бытие творческой интеллигенции начальных лет советской власти А. С. Т. пытается утаить исключительный мир, громадившийся вокруг Волошина и давший могучее движение литературе и искусству социалистического периода. Предисловие З. Д. Давыдова и В. П. Купченко к тому Максимилиана Волошина «Стихотворения, статьи, воспоминания современников», напечатанное издательством «Правда» в 1991 году, с чрезвычайной исследовательской ответственностью воспроизводит общественно-просветительское сози-

дание Максимилиана Александровича: «Еще в 1921 году у Волошина возникла идея Коктебельской художественно-научной экспериментальной студии (сокращенно – КОХУНЭКС), в которой деятели культуры с Севера могли бы и отдыхать у моря, и творчески работать, используя его мастерскую и библиотеку. В письме Л. Б. Каменеву в ноябре 1924 года (председателю Моссозвета. – Н. В.) он объяснил задачу создаваемому им Дому поэта (так в конце концов был назван этот своеобразный Дом творчества): «Сюда из года в год приезжали ко мне поэты и художники, что создало из Коктебеля своего рода литературно-художественный центр. При жизни моей матери дом был приспособлен для сдачи летом внаем, а после ее смерти я превратил его в бесплатный дом для писателей, художников, ученых. В 1923 году через Дом прошло

60 человек, в 1924-м – триста, в 1925-м – четыреста».

Нет, не был пугалом Максимилиан Волошин. Если бы гости Дома страшились казенного возмездия за пребывание у Волошина, они не жили бы в нем неделями, месяцами, годами. Еще из предисловия: «...гостями Волошина в 20-е годы были А. Белый, и В. Я. Брюсов, М. А. Буглаков и В. В. Вишневский, А. С. Грин и А. П. Глоба, Е. И. Замятин и Ю. Крымов, Л. М. Леонов и В. Г. Лидин, М. С. Петровых и Е. Г. Полонская, В. А. Рождественский и И. Л. Сельвинский, Г. А. Шенгели и К. И. Чуковский. В Доме отдыхали (и работали) А. П. Остроумова-Лебедева и К. С. Петров-Водкин, скульптор А. Т. Матвеев, искусствоведы А. Г. Габричевский, Э. Ф. Голмербах, С. Н.

Время было такое, когда пророки порождаются в народе

«из любой пятерки московских и ленинградских художников слова и кисти один непременно связан с Коктебелем через Дом Волошина», – писал в 1933-м Андрей Белый, определивший Дом поэта как «один из культурных центров не только России, но и Европы». «Так, А. П. Остроумова-Лебедева, чье положение было лучше многих и многих, признавалась в письмах к Волошину в октябре 1924 года: «С начала войны, т. е. за 10 лет, мы первый раз с мужем провели два счастливых месяца. Привезли к вам души наши какие-то съездившиеся, угнетенные, обиженные – и у Вас они отдохнули, нашли равновесие и спокойствие». Что же говорить о рядовых

инженерах, юристах, бухгалтерах, педагогах и прочих «соцслужащих», выброшенных революцией из привычного быта и с трудом сводящих концы с концами? Для них Коктебель был оазисом, отдушиной, лучезарной мечтой в течение одиннадцати месяцев в году.

Ночи ожидания

Л. Дадина, дочь харьковского профессора Л. В. Тимофеева, свидетельствовала: «Надо знать наши советские будни, нашу жизнь – борьбы за кусок хлеба, за целостность последнего, что сохранилось, надо знать эти ночи ожидания приезда НКВД с очередным арестом и все это – в состоянии приниженности, в заглушении естественного зова к нормальной жизни, к нормальным радостям, чтобы понять, каким контрастом сразу ударил меня Коктебель и М. А. (Максимилиан Александрович. – Н. В.), с той его человечностью, которой он пробуждал в каждом, давно уже сжавшемся в комок человеческом сердце, с той настоящей вселенской любовью, которая в нем была».

Она же вспоминает: «Все жили как одна большая семья, хотя здесь было полное смешение возрастов, интересов, профессий, вкусов. Но все были вместе, потому что все тянулись к Максимилиану Александровичу, и через него становились близкими друг другу. Об этом же писал А. Белый, указывавший, что Волошин отличался редкой способностью выслушать собеседника и удивительно мягким подходом к человеку», благодаря чему и умел «соединять самые противоречивые устремления».

Еще раз повторно запланированную ложь Ткаченко: «Роман «Дорога на Океан» вышел в конце 30-х (в 1935 году. – Н. В.), когда даже близкие друзья все реже навещали Волошина (и не могли навещать: умер от астмы и воспаления легких в 1932 году. – Н. В.), опасаясь быть «замеченными» в «связях с чуждым элементом». (А не там ли образовалась защищенная, наверняка свыше, республика гуманистической волиницы во главе с архонтом, добродеем и пророком Максом Волошиным? Республикой, Киммерийскими Афинами назвал Коктебель Георгий Шенгели, поэт, переводчик, теоретик литературы. Читайте, в доказательство, стихи Волошина о войне и революции «Неопалимая купина» и трагедию материальной культуры «Путями Каина». – Н. В.).

«Коктебель опустел (напротив – он пополнялся все новыми гостями, приводилась статистика. – Н. В.). Жить Волошину оставалось недолго. Дотяни он до 37 года, его бы постигла участь тысяч «врагов народа» (нечестивая предположительность. – Н. В.). Тогда-то могла пригодиться «критика» Леонова, пусть и нечаянная, написанная, ну, скажем, из самых добрых побуждений – привлечь Волошина к служению новой власти». Приводимые мной кусочки из малого отрывка романа вовсе не дают ни обнаружения «критики», ни основания для ареста. Тем более в них не пахнет даже сколько-нибудь микроскопическим побуждением «привлечь Волошина к служению новой власти».

Продолжение следует.

> Максимилиан Волошин отличался редкой способностью выслушать собеседника и удивительно мягким подходом к человеку